

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

«Реальная» инфляция против «официальной»

*К. П. Глущенко, д-р экон. наук,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
и Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск*

В популярной газете «Аргументы и факты» часто появляются публикации, утверждающие, со ссылкой на неназываемых экспертов, что данные Росстата об инфляции вводят в заблуждение, на самом деле она в два, а то и в три, раза выше. И в противовес «официальной инфляции» приводятся данные о «реальной» (иногда именуемой «социальной»), которая, по утверждениям газеты, отражает действительное положение дел. Впрочем, «Аргументы и факты» в этом не одиноки, подобные заявления нередки и в других изданиях, рассчитанных на широкую публику, не говоря уже об Интернете. Чтобы проверить, насколько они обоснованы, посмотрим сначала, как оценивает инфляцию официальная статистика и где могут быть потенциальные источники искажений, а затем – как определяется «реальная» инфляция.

«Официальная» инфляция

Если говорить о потребительском рынке, то по определению, инфляция – это рост *общего уровня* потребительских цен. Поэтому показатель, измеряющий инфляцию, должен отражать изменение цен *всех* потребительских товаров и платных услуг за некоторый период. Сделать это можно так: рассчитать общую стоимость покупок всех товаров и услуг в начале периода и посмотреть, насколько она изменилась в конце периода при условии, что объемы покупок каждого товара и услуги в натуральном выражении остаются постоянными. В такой расчет войдут даже бриллианты. Но как ни высока их цена, по сравнению с общим объемом покупок в стране бриллианты – капля в море, и изменение цен на них даст ничтожно малый вклад в оценку инфляции.

Однако охватить все бесчисленное множество товаров и услуг невозможно, да и не нужно, и на практике действуют по-другому: учитывают только те, на которые в совокупности приходится *подавляющая часть* потребительских расходов населения. Бриллианты и прочие роскошества тогда выпадают автоматически. Для того, чтобы оценивать инфляцию, статистика по существу строит модель «среднего потребителя», рассчитав, сколько в *среднем* один потребитель за год (или иной отрезок времени) приобретает тех или иных товаров и услуг. В результате получается потребительская корзина. Если, например, телевизор за год купил один человек из ста, то в потребительской корзине будет одна сотая часть телевизора. А картошки – несколько десятков килограмм (корзину можно сделать и месячной, поделив все объемы на 12, оценка инфляции будет той же).

Изменение стоимости такой потребительской корзины за некоторый период – месяц, квартал, год и т.п. – и представляет собой индекс потребительских цен (ИПЦ), который характеризует инфляцию на потребительском рынке. Он показывает, на сколько (в разгах или процентах) выросла – а, может, снизилась – сумма, которую потребитель должен платить, чтобы сохранить зафиксированные в

его корзине *объемы потребления* товаров и услуг. Из сказанного выше видно, что ИПЦ дает оценку инфляции для *основной массы* населения, он не охватывает тонкую прослойку богатых, не учитывая приобретаемые только ими товары.

Посмотрим теперь, как эта схема реализуется на практике. Во всех деталях порядок наблюдения за потребительскими ценами и расчета ИПЦ описан в Методологических положениях Росстата, действующих с 2006 г.¹⁾ Поэтому здесь он излагается с некоторыми упрощениями и в самых общих чертах, достаточных, чтобы выяснить, лукава ли «официальная» инфляция.

Для построения потребительской корзины используются данные обследования бюджетов домашних хозяйств, постоянно проводимого Росстатом. В каждом субъекте РФ есть некоторое число (выборка) домашних хозяйств, т.е. семей и одиночек, которые участвуют в этих обследованиях, постоянно записывая свои траты. Средние за год по всем домохозяйствам региональной выборки доли расходов на каждый товар и платную услугу представляют структуру расходов населения в данном регионе, а усреднение по всем регионам дает структуру потребительских расходов в стране. В потребительскую корзину включаются только те товары и услуги, доля которых в расходах населения страны составляет *не менее 0,1%*. А структура расходов определяет веса, с которыми учитываются цены товаров и услуг в ИПЦ (система весов своя для каждого региона).

Корзина не остается постоянной – ведь появляются новые товары (например, мобильные телефоны, превратившиеся за десятилетие из предмета роскоши в товар, доступный даже бедным), некоторые уходят в небытие (скажем, пленочные фотоаппараты), меняется структура потребления. Поэтому потребительская корзина обновляется ежегодно (в некоторых странах, особенно с низкой инфляцией, реже: где через два года, а где и через пять). Сейчас она включает 490 наименований товаров и услуг (124 продовольственных товара, 256 – непродовольственных, 110 видов услуг).²⁾ Для сравнения: в США, например, 305 наименований, в Канаде – 650.

Следующий вопрос – как регистрируются цены. Это делается только в городах, 23–25 числа каждого месяца в одних и тех же торговых точках города. В их число входят крупные, средние и мелкие магазины, рассчитанные на массового потребителя (а вот «бутики» – нет), и в центре города, и на окраинах, а также рынки. То же касается и организаций сферы услуг, и автозаправочных станций. В среднем на один регион – около 700 торговых точек и организаций сферы услуг. Нужно сказать, что наблюдение за ценами охватывает далеко не все города и поселки региона, обычно от двух до четырех (но, например, в Красноярском крае – шесть, в Якутии – семь, а в Московской области и вовсе 12). В совокупности в них живет две трети городского населения страны. Регистрацией цен занимаются сами работники статистических органов, списывая (точнее, занося в мобильные терминалы) цены с ценников и прейскурантов, никакая отчетность торговли и сферы услуг тут не используется.

С ценой отдельного товара дело обстоит не так просто, как кажется на первый взгляд. Ведь нет такого товара – просто сливочное масло, как оно числится в потребительской корзине (товара-представителя), а есть множество его разновидностей, отличающихся марками и производителями. Чтобы учесть это, регистрируются цены разных видов сливочного масла – «Вологодского», «Смоленского», «Валио» и т.д. Цена такой конкретной разновидности товара, зарегистрированная в определенной торговой точке, на профессиональном языке называется котировкой. В среднем на каждый товар-представитель в одном регионе приходится 18 котировок. При этом соблюдается принцип сопоставимости: каждая котировка – это цена той же разновидности товара в той же торговой точке, что

¹⁾ Методологические положения по наблюдению за потребительскими ценами на товары и услуги и расчету индексов потребительских цен. – М.: Росстат, 2006 (www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/MET-05.DOC).

²⁾ www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/ipz-aif_ver.5.ppt. Последующие данные также взяты из этого источника или рассчитаны на его основе.

и в предыдущем месяце. Цена товара-представителя в городе рассчитывается как среднее (геометрическое) котировок.

Как рассчитывается ИПЦ, лучше скажет формула, чем слова. Она такова:

$$I_{0t} = \sum_i w_i \frac{p_{it}}{p_{i0}},$$

где p_{it} – цена i -го товара-представителя (или услуги) в месяце t , p_{i0} – его цена в

декабре предыдущего года, а w_i – вес i -го товара (услуги), т.е. доля расходов на товар или услугу в общих расходах на покупку товаров и услуг. Как видно, это средневзвешенное изменений цен товаров-представителей с начала года (месячный индекс рассчитывается как $I_{t-1,t} = I_{0t}/I_{0,t-1}$). Можно спросить, а почему бы не взять просто отношение стоимости потребительской корзины в нынешнем месяце и в начале года? Конечно, легко определить, сколько килограмм мяса, штук рубашек, плиток шифера, киловатт электроэнергии входит в корзину. А как быть, скажем, с поездками в поездах дальнего следования? Поэтому на практике удобнее и – и не только по этой причине – пользоваться долями расходов, а не объемами товаров и услуг (а при некоторых условиях приведенная формула эквивалентна отношению стоимостей потребительской корзины).

На самом деле расчет ИПЦ несколько сложнее. В региональном ИПЦ p_{it}/p_{i0} в приведенной выше формуле представляет собой *средний* индекс цены товара i по региону, получаемый усреднением по городам региона с весами, пропорциональными численности населения городов. ИПЦ по России рассчитывается так же, но со средними индексами по регионам (весами при усреднении служат доли численности населения регионов в населении страны). Отметим, что при расчете средних цен по регионам и всей стране используют аналогичные усреднения.

Посмотрим теперь, где «подводные камни», и могут ли они приводить к систематическому занижению инфляции. Первый – выборка домохозяйств. Она смещена в сторону домохозяйств с низкими доходами (и это не специфически российская проблема, с ней сталкиваются статистики всего мира: те, кто получают достаточно высокие доходы, избегают участвовать в бюджетных обследованиях). В принципе это может повлиять на перечень товаров и услуг в потребительской корзине. Однако если взглянуть на него (приложение 2 в упомянутых Методологических положениях), каких-то упущений не видно. Смещенность выборки может оказать также воздействия на веса товаров и услуг. Но приводит это не к занижению, а к *завышению* оценок инфляции. Чем меньше доходы домохозяйства, тем большую их долю оно тратит на продовольствие и услуги – главным образом, жилищно-коммунальные, – а и то, и другое у нас как раз почти постоянно дорожает быстрее промтоваров.

Следующий подводный камень – выборки торговых точек, а также разновидностей товаров, фигурирующих в котировках. Чтобы проверить их представительность, нужны довольно трудоемкие обследования. Но давайте допустим худший вариант: выборка торговых точек не представительна. Что тогда случится? Да, точность ИПЦ снизится. Однако *систематического* занижения инфляции не будет: можете вы себе представить магазин (не говоря уже о целой их группе), в котором цены *постоянно* растут медленнее, чем в других? На каких-то отрезках времени это может происходить, но в конце концов ему придется догонять остальных. То же можно сказать и о разновидностях товара. Если бы рост цены какой-то марки, скажем, сливочного масла, все время был бы ниже, чем других, то в конечном итоге оно стало бы в несколько раз дешевле масла других марок. Думаю, вряд ли кому-нибудь доводилось наблюдать такой феномен. Так что непредставительность торговых точек и разновидностей товаров будет приводить в разные моменты времени к разнонаправленным искажениям оценки инфляции: в одни моменты времени она окажется заниженной, а в другие – завышенной.

В принципе порождать искажения может низкая квалификация или нерадивость тех, кто регистрирует цены. Допустим, они путаются, регистрируя в одном месяце цену на одну марку товара, а в другом на другую, либо работают спустя рукава или вообще ленятся ходить по магазинам, записывая цены «от фонаря». Но и в этом случае искажения тоже будут *разнонаправленными*, систематического

занижения инфляции в одну сторону не будет. На практике же ошибки регистрации (а уж тем более недобросовестность) случаются довольно редко. Да и средства их предотвращения предусмотрены: в Методологических положениях проверке достоверности информации о ценах посвящен целый раздел. Одна из мер – систематические выборочные контрольные обходы организаций торговли и сферы услуг, в которых производится регистрация потребительских цен (тарифов). А территориальные подразделения Росстата время от времени проверяет центральный аппарат.

Осталась формула расчета ИПЦ. Может, собака зарыта в ней? И действительно, она дает систематическую ошибку. Но, опять-таки, в сторону завышения инфляции. Причина известна (вернее, должна быть известна) любому экономисту-первокурснику: это эффект замещения. Суть его в том, что потребление товара А, цена которого выросла сильнее, чем товара Б, снижается, а товара Б – растет (либо тоже снижается, но меньше). К примеру, когда подскочила цена на гречку, ее покупки сократились. Но есть-то что-то надо, и часть гречки на столе заменили другие крупы – пшенка, рис, перловка. А это значит, что корзина среднего потребителя стала другой: гречки в ней меньше, а других круп – больше. Но поскольку при расчете ИПЦ используется прошлогодняя корзина, он не улавливает эти изменения, показывая более высокий рост цен.¹⁾

Теоретически эффект замещения обнаружил Е. Е. Слуцкий (один из немногих отечественных экономистов, считающихся в мире классиками) еще в начале прошлого века, но насколько велики вызываемые им искажения, достаточно точно впервые было установлено только недавно – в середине 1990-х годов. Сделала это назначенная Сенатом США (!) группа видных ученых-экономистов, известная как Комиссия Боскина. Выяснилось, что вклад эффекта замещения в завышение американского ИПЦ составлял 0,15 процентных пункта в год (при годовой инфляции около 3%), иными словами, он завышал годовую инфляцию примерно на 5% ($0,15/3 \times 100\%$). Озабоченность американских сенаторов точностью оценки инфляции объясняется просто: в США социальные выплаты ежегодно индексируются *автоматически* и *точно* в соответствии с ростом уровня цен, и его завышение выливается в многомиллиардные дополнительные расходы бюджета страны. У нас же индексация производится когда как, да еще «в пределах средств, предусмотренных на эти цели в федеральном бюджете и бюджете Пенсионного фонда». Поэтому российским законодателям глубоко плевать, насколько точны оценки инфляции (как, впрочем, и других экономических процессов). За всю историю российского парламентаризма они ни разу не озаботились вопросами экономических измерений (во всяком случае, в той степени, как их американские коллеги).

Тем не менее, оценки смещенности российского ИПЦ проводились. Они поневоле грубые, поскольку основаны на неполной информации (тогда как Комиссии Боскина были предоставлены все необходимые статистические данные, включая первичные). Согласно исследованиям В. А. Бессонова, из-за эффекта замещения рост потребительских цен за период с конца 1991 г. по конец 1996 г. был завышен официальным ИПЦ на 35%.²⁾ В среднем в год, очень грубо, – на 6% с небольшим (на самом же деле, чем выше годовая инфляция, тем больше этот процент). Учитывая грубость расчетов, можно сказать, что эффект замещения искажает «официальную» инфляцию и в России, и в США примерно одинаково. Сходный результат получили и новозеландские (!) экономисты, использовавшие

¹⁾ Избежать этого позволяют иные формулы ИПЦ, которые используют как исходную, так и новую потребительскую корзину. Но тогда получить оценку инфляции можно лишь задним числом, когда текущий год уже закончился. Поэтому такие ИПЦ рассчитываются только наряду с «обычными» и в считанном числе стран – насколько мне известно, в Швеции и, с 2002 г., в США (с 2012 г. в их число войдет и Россия).

²⁾ Бессонов В. А. О смещениях в оценках роста российских потребительских цен // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 1998. – Т. 2, № 1; Бессонов В. А. Проблемы анализа российской макроэкономической динамики переходного периода. – М.: ИЭПП, 2005.

совершенно иной метод, чем В. А. Бессонов: завышение российского ИПЦ за 1992–2001 гг. примерно на треть.¹⁾

Но может, Росстат сознательно «подправляет» данные? Протестируем эту гипотезу. Допустим, работникам, занимающимся сбором данных, велят регистрировать цены самых дешевых разновидностей товаров-представителей. Но, во-первых, это нарушение регламента регистрации цен, узаконенного самим Росстатом. Во-вторых, ничего не даст: для оценки инфляции важна не сама цена товара, а ее изменение. И если взять отношение цены разновидности товара, которая была самой дешевой в прошлом месяце, к той, которая дешевле других в этом, такой «темпа роста» может оказаться выше, чем у одной и той же разновидности. А помнить цены всех разновидностей товара в прошлом месяце, чтобы в этом взять такие, которые дали бы минимальный темп роста, невозможно. К тому же регистрацией цен занято множество людей, и если бы что-то подобное случилось, то сведения об этом непременно просочились бы в средства массовой информации.

Регистрация цен – единственная операция, выполняемая вручную. Собранные данные вводятся в компьютеры, и дальнейшая обработка – расчеты средних цен, различных частных индексов цен, сводного ИПЦ по региону – происходит автоматически. Вмешаться в этот процесс и что-нибудь «подкрутить» невозможно. Дальше данные из территориального органа статистики передаются в Москву, где (тоже автоматически) рассчитываются показатели по России в целом. Теоретически вмешаться тут можно на входе, «подправив» полученные из регионов цифры, и на выходе, уменьшив итоговые результаты. Но тогда не сойдутся концы с концами. Ведь данные о потребительских ценах – это не вещь в себе, они используются и в других отраслях статистики: в статистике внутренней и внешней торговли, уровня жизни, услуг, национальных счетов и др. А «подправить» данные о ценах и их росте так, чтобы оценка инфляции оказалась ниже и при этом все со всем везде было согласовано, вряд ли в человеческих силах. И опять-таки, сохранить такие манипуляции в тайне от средств массовой информации не удалось бы.

Итак, используемые официальной статистикой процедуры сбора исходной информации и расчета ИПЦ никак не могут приводить к систематическому занижению оценки инфляции. Вопреки расхожему мнению, она, напротив, *завышена*. Не видится и возможностей для сознательных подтасовок – как на нижних, так и на верхнем уровне системы российской статистики. Так что оснований сомневаться в честности оценок роста потребительских цен официальной статистикой нет.

«Реальная» инфляция

Но если «официальная» инфляция довольно близка к действительности (хотя и несколько завышена – в последние годы грубо на 0,3–0,6 процентных пункта²⁾), то что же тогда представляет собой «реальная» инфляция, которая якобы гораздо выше? Просмотрев в «Аргументах и фактах» за последние пару лет заметки, обвиняющие Росстат во лжи, я не нашел *ни одного* аргумента в пользу того, что «реальная» инфляция вдвое-втрое выше «официальной» – только голословные утверждения неких экспертов (а поскольку они анонимны, судить об их квалификации невозможно).

Два исключения все же есть. Первое – статья на основе письма читателя газеты Л. Зайцева, профессора, доктора технических наук из Подмоскovie.³⁾ Как он пишет, «Расчеты социальной, то есть реальной инфляции я веду с 2000 г., оценивая реальные доходы населения». И эти расчеты го-

¹⁾ Gibson J., Stillman S., Le T. CPI bias and real living standards in Russia during the transition // Journal of Development Economics. – 2008. – V. 87, № 1.

²⁾ Как сообщил мне В. А. Бессонов, его расчеты показали, что ИПЦ за 2007 г. завышен из-за эффекта замещения на 0,95 процентного пункта. Таким образом, более точная оценка инфляции за 2007 г. – 10,9% (оценка Росстата – 11,9%).

³⁾ Кто нам лжет // Аргументы и факты. – 2011. – № 21.

ворят, что рост уровня цен превышал сообщаемый Росстатом в разные годы от 1,6 до 5 раз. Однако как оценивалась «реальная» инфляция, статья умалчивает (хотя, возможно, способ расчета излагался в письме, но в статью не попал). Поэтому приходится судить об этом косвенно, отталкиваясь от критики официальной методики расчета ИПЦ. Она такова: «При ее [инфляции] официальном подсчете учитывают около 400 наименований товаров. Но многие из них большинство россиян приобретают редко, потому что им элементарно не хватает на еду. Надо ... брать для расчета роста цен не норковые шубы, а необходимые продукты питания, топливо, связь, ЖКУ. Сейчас эти расходы учитываются не в полном объеме... А ведь официальная (а по сути, мошенническая) инфляция является основой для расчета индексации...».

Из этой цитаты видно, что ее автор имеет весьма смутное представление о критикуемом предмете. Ну нет среди товаров, цены которых учитывает ИПЦ, норковых шуб! А если какие-то товары приобретают редко, то и вес их в ИПЦ будет невелик, и они окажут очень небольшое влияние на оценку инфляции. Доводов же, подтверждающих, что расходы на необходимые товары и услуги «учитываются не в полном объеме», не приводится вообще. Конечно, масштабы бедности в России неприличны, но чтобы *большинству* россиян не хватало на еду – мягко говоря, большое преувеличение. Согласно данным бюджетного обследования, в 2010 г. их траты «на еду» (в том числе в предприятиях общественного питания, не исключая рестораны) составляли в среднем 38,5% всех расходов на товары и услуги.¹⁾ А ведь, как говорилось выше, участвующие в обследовании домохозяйства менее обеспечены, чем в среднем по стране. Из логики подмосковного профессора вытекает, что он, чтобы преодолеть «недостатки» официального метода оценки инфляции (как он его себе представляет), составил собственную потребительскую корзину, в которой преобладают «еда» и жилищно-коммунальные услуги. Поэтому неудивительно, что его инфляция оказалась гораздо выше: ведь за десятилетие 2001–2010 гг. продовольствие подорожало в 3,1 раза, услуги – в 5,9 раза, тогда как промтовары – «лишь» в 2,2 раза.

Нужно отметить забавную черту рассматриваемой публикации. После пафосного заголовка «Кто нам лжет?» следует не менее пафосный подзаголовок: «РФ: 300% – реальный рост цен за 10 лет». Но «официальный» рост цен за 2001–2010 гг., как легко подсчитать по годовым данным Росстата, как раз и равен этой величине, точнее, составляет 309,8%. Что за данные подаются в статье как официальные и откуда взяты, остается только гадать, они совпадают с опубликованными Росстатом лишь для 2010 г. (возможно, это среднегодовая инфляция – еще один ее измеритель, который рассчитывается по-другому). Но и по ним рост цен за десятилетие оказывается равным 335%. А вот если использовать данные Л. Зайцева, то выходит, что «реально» цены выросли в 16 раз. Так как теперь ответить на вопрос, поставленный в заголовке статьи? И о каких альтернативных оценках инфляции можно всерьез говорить, если профессор и с арифметикой-то не в ладах?

Еще одно исключение из публикаций, голословно «обличающих» официальные данные – статья, подготовленная журналисткой «АиФ», в которой сообщается, что газета теперь сама будет подсчитывать «реальную» инфляцию, и описано, как это будет делаться.²⁾ Прочитав официальную методику оценки инфляции, журналистка сразу же поняла, в чем ее порок, из-за которого рост цен получается в два-три раза ниже «реального»: в том, что среди товаров и услуг, учитываемых при расчете ИПЦ, «много настолько экзотичных, что изменение их стоимости в повседневных тратах вряд ли волнует кого-то, кроме 10% самого обеспеченного населения... К примеру, ... потенциальные затраты на экскурсионную поездку в Испанию, Финляндию, Германию, двухкамерный холодильник, ужин в ресторане, импортный парфюм [по-русски – духи], заграничный коньяк, красную икру и т.п.». Наверное, журналисты «АиФ» относят себя к людям со средним достатком, а не к тем самым 10%. Но неужели никто из них никогда не отдыхает за рубежом и не ужинает в ресторане? Пусть даже так, но мне ни

1) www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/vesa.xls.

2) Цены под контролем! // Аргументы и факты. – 2012. – № 1–2..

среди российских туристов за границей, ни в отечественных ресторанах не доводилось встречать богачей – у них свои места, где нас не бывает и куда сотрудники Росстата за регистрацией цен не заглядывают. А уж побаловать себя баночкой красной икры, хотя бы на праздник, доступно многим. И раз «экзотичные» товары и услуги попали в расчет ИПЦ, значит, семьи со средним достатком все же могут себе их позволить, тратя на каждое наименование в среднем никак не меньше 0,1% всех потребительских расходов (к слову, цены на импортные коньяк и духи с 2009 г. не регистрируются). Однако, если доля этих трат невелика, то и изменение цен «экзотичных» товаров и услуг будет оказывать незначительное (если не ничтожное) влияние на оценку инфляции, и никак не сможет занизить ее «в два-три раза».¹⁾

Что же предлагается взамен? Оценивать инфляцию по потребительской корзине из товаров и услуг, «которые чаще всего составляют обязательные расходы каждой российской семьи со средним достатком». Она громко названа «Народной корзиной». Входит в нее набор 22 продуктов, из промтоваров – только лекарства (три наименования), из услуг – лишь жилищно-коммунальные и проезд в городском автобусе. Цены регистрируются в девяти городах, по одному на каждый федеральный округ и в Москве (для сравнения – в выборке Росстата 271 город), в каждом городе в одном «сетевом магазине, где цены зачастую меньше, чем на рынке».

Услуги ЖКХ в «Народной корзине» представлены месячной платой за двухкомнатную квартиру, где проживают три человека. Тогда получается, что это месячная корзина трех человек. Сколько же они покупают продуктов и лекарств, умалчивается, поэтому проведем небольшое исследование. По данным приведенной в статье таблицы можно вычислить, что в ноябре 2011 г. «Народная корзина» обходилась в Москве в 5125 руб. (вернее, в пределах от 4830 до 5460 руб.). Маловато что-то для месячных расходов одного человека, не то что трех. Если взять из Центральной базы статистических данных цены входящих в «Народную корзину» продуктов, лекарств и автобусного билета в Москве в ноябре 2011 г.,²⁾ то оказывается, что сумма стоимостей единицы каждого наименования равна 2652,63 руб., примерно половине стоимости корзины (стало быть, другая половина – плата за квартиру). Отсюда становится ясно, как составлена «Народная корзина»: в ней килограмм свинины, десяток яиц, пачка чая, бутылка водки, упаковка валидола, один автобусный билет и т.д. Тут уж не до такой «мелочи», как отсутствие в корзине всех промтоваров, кроме лекарств, – видимо, считается, что рост цен, скажем, на одежду к инфляции отношения не имеет.

Журналистке «АиФ» невдомек, что объемы товаров в потребительской корзине должны отражать их значимость в потреблении. Проще говоря, в «Народную корзину» они должны были бы входить в тех количествах, в которых их за месяц покупают (по мысли составителя корзины) те три человека. Становится понятной и легкость, с которой был «разоблачен» Росстат: по представлениям журналистки, поездка в Китай ложится в потребительскую корзину всей своей сорокатысячерублевой тяжестью, на фоне которой двадцатипятирублевый автобусный билет вообще не виден. Видимо, после этого «открытия» читать методику оценки инфляции дальше смысла не было, и то, что в месячную корзину будет входить, к примеру, одна десятитысячная часть поездки, а автобусных билетов, наоборот, штук двадцать, так и осталось для журналистки тайной.

Результат упражнений «АиФ» можно предсказать заранее – рассчитанная таким топорным образом «реальная инфляция» всегда будет гораздо выше «официальной». Хотя бы потому, что «Народная корзина» составлена только из товаров и услуг первой необходимости, которые дорожают быстрее, чем остальные. Они из-за того и «первой необходимости», что без них нельзя обойтись, и

¹⁾ Так, вклад поездки в Китай (стоимость – около 40 тыс. руб., вес в ИПЦ – 0,143%) в инфляцию за январь–ноябрь 2011 г. (5,6%) составил 0,0001 процентного пункта. А вот на долю говядины пришлось больше 0,2 пункта, бензина – почти 0,4 пункта (www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/ipz-aif_ver.5.ppt).

²⁾ www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=1921001.

спрос на них низкоэластичный: он снижается медленней, чем растет цена. А на жизненно необходимые лекарства и жилищные услуги и вовсе совершенно неэластичный – сколько мы их приобретаем, столько и будем, как бы ни росла цена. Будем стонать, но платить. Этим и пользуются те, кто стоят по другую сторону прилавка, от производителей до розничной торговли, не говоря уже о ЖКХ и иже с ним, разгоняя цены на товары и услуги первой необходимости.

Кстати, изобретать велосипед не было никакой необходимости: Росстат ежемесячно сообщает данные о стоимости даже двух корзин такого рода. Первая – минимальный набор 33 основных продуктов питания в объемах, достаточных, чтобы не протянуть ноги (раньше этот набор использовался для расчета прожиточного минимума, поэтому вопрос об объемах не к статистике, а к правительству, утвердившему такие нормы потребления). Но, во всяком случае, не булка хлеба или десяток яиц в месяц на троих, как в «Народной корзине». Вторая корзина называется длинно – фиксированный набор потребительских товаров и услуг для проведения межрегиональных сопоставлений. Сюда входят 83 наименования продуктов, промтоваров и услуг. Эту корзину разработал сам Росстат, включив в нее те товары и услуги, которым действительно (т.е. не по чьим-то представлениям, а согласно данным наблюдений) отдает потребительские предпочтения основная часть населения. Объемы товаров и услуг в ней определены частью исходя из правительственных норм, а частью – из соображений достаточного потребления средним потребителем. Состав обеих корзин можно увидеть в Методологических положениях (приложения 6 и 7), о которых говорилось ранее.

Подсчитав рост стоимости «Народной корзины» за декабрь 2011 г., газета гордо сообщает: «Наши подсчеты не сошлись с официальными данными: реальный рост цен оказался в среднем по стране в 2 раза (!) выше объявленного чиновниками». Имеется в виду, что в то время как «официальная» оценка инфляции за декабрь 2011 г. составила 0,4%, исчисления «АиФ» дали 0,8%. Однако те же самые «чиновники» (на самом деле статистики) «объявили», что рост стоимости минимального набора продуктов за декабрь еще выше, чем у «АиФ»: 0,9% (хотя фиксированный набор подорожал меньше, на 0,4%).¹⁾ Однако это отнюдь не оценка инфляции, как полагает газета, а всего лишь частный показатель, характеризующий одну из сторон роста цен.

Пусть журналистка «АиФ» не знает о существовании «народных корзин» Росстата (хотя это кое-что говорит о ее профессионализме), но вот интересно, а что будет, если у подмосковного профессора инфляция получится выше, чем у «АиФ»? Кто нам лжет? Какая инфляция «реальней»?

Изобретатели доморощенных методов «оценки» инфляции и не подозревают, что критерий истины существует. Это теоретический эталон – индекс стоимости жизни, которое предложил А. А. Конюс, еще один наш соотечественник, почитаемый в мире как классик, основатель экономической теории индексов. Рассчитать индекс стоимости жизни нельзя, но можно определить, как тот или иной ИПЦ отклоняется от эталона. И статистики всего мира бьются над тем, чтобы эти отклонения были как можно меньше. Здесь немало проблем, и теоретических, и практических, и далеко не все они решены, а некоторые неразрешимы в принципе, но, во всяком случае, существующие ИПЦ (а все они являются приближениями индекса стоимости жизни) гораздо ближе к эталону, чем дилетантские эскерсисы.

Российская статистика здесь вовсе не «белая ворона». Действующая у нас методика оценки инфляции основана не на причудах Росстата, а на теоретическом багаже и практическом опыте оценки инфляции, накопленном во всем мире более чем за столетие.

Сама по себе затея «АиФ» с расчетом «реальной» инфляции – это по существу нелепый эксперимент, который покажет, как искажается оценка инфляции, если использовать непредставительные выборки товаров и услуг, городов, торговых точек (хотя единственный магазин в городе и «выборкой» назвать язык не поворачивается) и несуразные объемы товаров и услуг в корзине. Если б тем и ограничивалось, то не стоило бы внимания. Но ведь это еще и вклад «АиФ», в дополнение к

¹⁾ www.gks.ru/bgd/free/b11_00/lssWWW.exe/Stg/dk12/4-1.htm.

телевидению, в оболванивание народа, «экономическая попса».¹⁾ И довольно заметный, если учесть 2,5-миллионный тираж газеты и почти девятимиллионную месячную аудиторию ее сайта. Зачем далеко не худшие умы многие годы бились над проблемой измерения инфляции, если все так просто: нужно только составить некую корзину, исходя из своих представлений о том, что «чаще всего» покупают люди, и потом считать, как меняется ее стоимость? Доступно даже школьнику. А статистики и экономисты только надувают щеки, чтобы даром есть хлеб или, того хуже, сознательно дурить народ.

Как видно из публикаций газеты, она убеждена во втором варианте. И довольно агрессивно внушает это убеждение читателям, умудряясь подать в таком духе даже позитивные материалы. Вот пример из № 48 «АиФ» за 2010 г. На первой полосе материал анонсируется так: «Почему в данных об официальной инфляции – одна сплошная “липа”?». Анонсируемая заметка (на 14-й полосе) озаглавлена тоже хлестко: «Откуда у инфляции “липа”?». А в ней самой руководитель Росстата кратко рассказывает, как оценивается инфляция. Про «липу» в тексте нет ни слова, как и оснований для обвинений в ней. Такой «журналистский прием» трудно назвать иначе как дурнопахнущим.

Судя по публикациям «АиФ», мотивов для обвинений официальных данных в «липе» два. Первый – «презумпция виновности» Росстата: ведь власть всегда врет (пусть Росстат и не власть, но он ее обслуживает). Второй – обывательское восприятие инфляции. Хотя, на мой взгляд, журналист, пишущий на экономический темы, должен исходить не из него, а из знания предмета, при необходимости консультируясь со специалистами (действительно разбирающимися в вопросе, а не с первыми попавшимися «экспертами»).

У обывателя не укладывается в голове, как, например, в августе 2010 г. инфляция могла быть 0,6%, если гречка тогда подскочила в цене на треть (на 32% в среднем по России). Хотя для экономиста ничего странного в этом нет. Доля гречневой крупы-ядрицы в расходах среднего потребителя в 2010 г. составляла 0,243%.²⁾ Тогда вклад роста цены на гречку в инфляцию – менее 0,1 процентного пункта ($32\% \times 0,00243 = 0,08\%$). Иначе говоря, не подорожай гречка, инфляция в августе 2010 г. была бы меньше ненамного, составив 0,5%.

О том, как расходятся впечатления об инфляции с ее статистическими оценками, можно видеть из результатов опроса, проведенного в августе 2007 г. «Левада-Центром».³⁾ По мнению основной массы из 1600 опрошенных, «цены на продукты питания, вещи, услуги, в которых нуждается их семья, выросли с начала года в среднем на 25%» (по данным Росстата, рост цен за январь–август 2007 г. составлял 6,7%). Но в отличие от журналистов «АиФ», социологи «Левада-Центра» понимают, что «эти показатели, резко отличающиеся от официальных данных о динамике инфляции, нельзя рассматривать как более адекватные или точные, поскольку они говорят лишь о субъективном восприятии происходящего населением и воспроизводят озабоченность людей масштабами их затрат по ограниченному кругу расходов на товары и услуги» [курсив мой – К. Г.].

Уверен, ни один из опрошенных 1600 человек не записывал все свои траты и не подсчитывал их изменение по отношению к началу года – они оценивали инфляцию на глазок. Такие оценки всегда будут выше объективных, и дело тут не в экономике, а в психологии. Причем не в нашей национальной – во всех странах с заметной инфляцией многие считают, что официальные данные о ней занижены. Вот как объясняет причину этого американский журналист: «Увеличение цены просто заметнее – как сказал бы психолог, является более сильным раздражителем – чем снижение. Частью это обя-

¹⁾ В 2012 г. расчеты «реальной» инфляции публикуются в «АиФ» ежемесячно (№ 6, с. 18; № 14, с. 15; № 18, с. 12; № 23, с. 7; № 27, с. 12; № 31, с. 12; № 36, с. 12; № 40, с. 11). Хотя редакция газеты была ознакомлена с содержанием настоящей статьи еще в марте 2012 г., публикации продолжились. После чего добросовестное заблуждение уже не может служить оправданием, газета продолжала вводить своих читателей в заблуждение вполне сознательно.

²⁾ www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/ipz-aif_ver.5.ppt.

³⁾ www.levada.ru/30-08-2007/sotsialno-politicheskaya-situatsiya-v-rossii-v-avguste-2007-goda.

зано “неприятно потерь”: потеря не нравится людям больше, чем нравится выигрыш эквивалентного размера. ... Вас возмущает, что мясной фарш стоит теперь 2,83 долл. за фунт, но вы не обращаете внимания, что апельсины стали на 31% дешевле, чем год назад». ¹⁾ Житель России в этом отношении от американца ничем не отличается. Он тоже судит об инфляции только по тем ценам, которые растут (в особенности, сильнее всего), игнорируя ценники, где цифры не меняются или даже – кое-где у нас порой – уменьшаются. А уж о том, что из-за подорожавшей втрое за 2010 г. гречки его затраты вырастут в самом худшем случае на процент-другой, и вовсе не задумывается.

Иногда звучат совсем уж несуразные обвинения в адрес официальных оценок инфляции: дескать, это «средняя температура по больнице». Но простите, а какую еще оценку может дать статистика? Для каждого гражданина России в отдельности? Ведь инфляция у каждого своя: кто-то не курит, кто-то не пьет, кто-то не ест мяса. И для них рост цен тех товаров, которые они не потребляют, – не инфляция. В то время как любитель бифштексов, глядя летом на дорожающую говядину, станет жаловаться на высокую инфляцию, вегетарианец будет радоваться дефляции, видя, как падают цены на капусту, картошку и прочие овощи. К слову, возможность грамотно оценивать свою собственную инфляцию имеет любой, для этого прямо на главной странице сайта Росстата (www.gks.ru) есть «Калькулятор персональной инфляции».

Да и не совсем данные Росстата «по всей больнице»: как говорилось выше, ИПЦ рассчитывается для каждого региона. Так что свои впечатления об инфляции надо сверять с оценкой не по России в целом, а по своему региону. А разброс темпов инфляции по регионам может достигать до 10 раз и более. Так, в 2010 г. диапазон годовой инфляции составлял от 1,4% на Чукотке до 13,9% в Дагестане (при средней по России 8,8%). То же касается и цен на отдельные товары и услуги. Опять же, в «АиФ» время от времени сопоставляются данные Росстата о *средних по стране* ценах с ценами, наблюдавшимися корреспондентами или читателями газеты в разных городах. Последние всегда оказываются выше первых. И не удивительно. Даже если бы сравнение делалось с официальной информацией о ценах в регионе, результат был бы таким же. Статистика дает среднее по нескольким городам региона, разным магазинам и маркам товара. А раз это среднее, то всегда есть магазин, где цена выше него. «Аифовские» же данные – это цена в одном произвольно взятом магазине. Причем одного крупного города (обычно административного центра) региона, где цены почти всегда выше, чем в средних и мелких (к тому же, учитывая тенденциозность газеты, нельзя поручиться за непредвзятость публикуемых в ней наблюдений за ценами, не удивлюсь, если данные, противоречащие убеждению в «лживости» официальной статистики, «отфильтровываются»).

Добро бы, если бы только экономически безграмотные журналисты публично демонстрировали свое невежество. Однако ведь этим грешат и профессиональные экономисты. Я с уважением отношусь к М. Л. Хазину, известному своей теорией кризисов. Но вот чем он поделился в декабре 2011 г. с телезрителями канала «РБК-ТВ» ²⁾: «...власти продолжают нести пургу, говоря о какой-то нереальной инфляции в 6,8%, когда всем понятно, что она по итогам года будет 16–18%, а может быть и под 20%, смотря по какой корзине считать» (получается, что корзину можно взять какую угодно, и тогда будем иметь «реальную» инфляцию). По мнению М. Л. Хазина, в России, как и в США и Европе, для расчета инфляции используется методика МВФ. «Для США эта методика снижает инфляцию на 3,5–4%, для Европы тоже занижает. Для России – занижает примерно на 10%». Да нет никакой «методики МВФ»! А есть «Руководство по индексу потребительских цен: теория и практика» ³⁾ причем это не методика, а великолепный справочник, отражающий современное состояние теории и практики расчета индексов цен и подготовленный цветом мировых специалистов. МВФ тут всего лишь одна из многих организаций, причастных к его разработке, первую скрипку же играла Ме-

¹⁾ Leonhardt D. Seeing inflation only in the prices that go up // New York Times. – 2008, May 7.

²⁾ www.nr2.ru/finance/364381.html.

³⁾ www.imf.org/external/pubs/ft/cpi/manual/2004/rus/cpi_ru.pdf.

ждународная организация труда (правда, перевод на русский язык сделан в МВФ). А принципы стандартизации расчета ИПЦ установлены резолюцией 17-й международной конференцией статистиков труда (2003 г.).¹⁾

На них и основывается методика Росстата, как и статистических органов других стран. Никто не пользуется несуществующей единой «методикой МФВ», по разным причинам российская, американская и европейская методики заметно отличаются друг от друга (даже внутри ЕС национальные методики отнюдь не повторяют друг друга). Что касается МФВ, то он осуществляет контроль международной стандартизации статистики (и не только в области ИПЦ), поскольку заинтересован в сопоставимости статистических данных между странами. И только. Можно, конечно, подозревать МФВ в неких тайных замыслах, для которых нужно занижать инфляцию. Но где улики? И неужто МФВ в сговоре с Международной организацией труда? Секрет, каким образом общепринятые принципы расчета ИПЦ приводят к немалому занижению оценок инфляции, М. Л. Хазин не открыл. Хотя по поводу отечественного ИПЦ сообщил, что Росстат считает его «по искусственной корзине, которая меняется непрерывно, оттуда выкидываются те товары, которые сильно выросли в цене, и добавляются те, что подорожали незначительно». Как формируется потребительская корзина, было рассмотрено выше. Ничего общего с представлениями уважаемого экономиста и публициста эта процедура (как и ее принципы, описанные в том, что он называет «методикой МФВ») не имеет. И он либо не знает о ней, либо сознательно вводит аудиторию в заблуждение.

В подтверждение своего мнения о заниженности ИПЦ М. Л. Хазин приводит такой довод: раз дефлятор ВВП – показатель, измеряющий инфляцию во всей экономике – равен 16,1% (II квартал 2011 г. ко II кварталу 2010 г.), то «либо промышленная инфляция выше 16%, а это значит, что в следующем году потребительская будет выше. Или же наоборот, потребительская уже выше 16%». Оставим на совести автора загадочную «промышленную инфляцию». Если взять структуру использования ВВП, то в нее входит, кроме конечного потребления домашних хозяйств, конечное потребление государства (к примеру, закупки для армии, полиции, нужд депутатов Госдумы и т.д.), накопление основных фондов, экспорт с импортом. И если цены покупаемой государством продукции растут быстрее потребительских (а так и было в 2003–2008 гг.), то почему это должно ускорить инфляцию на потребительском рынке в следующем году? Может, кстати, здесь и оставил след тот триллион рублей, который «потерялся» в системе госзакупок. Да и рост цен станков, оборудования, промышленных зданий откликнется на потребителях далеко не сразу. А в 2010 г. дефлятор ВВП (11,4%) оказался выше ИПЦ (8,8%) из-за роста цен на экспортируемую продукцию (на 16,3%).²⁾

Еще один метод определения «реальной» инфляции раскрыл в своем интервью иркутской газете Г. В. Заорский, профессор, доктор экономических наук, в круг научных интересов которого, по словам бывшего интервью журналиста, прочно входит оценка уровня инфляции.³⁾ Первым делом, само собой, инвектива: «Декларируемая и реальная инфляция у нас не совпадают. В других странах такого нет ... А у нас сказали 8, потом – 13, но и эта величина не то что лукавая, она абсолютно нечестная. Я считаю, что руководители государства прекрасно знают об этом. Названный уровень – 13 процентов – не соответствует реальному показателю как минимум двукратно». Из этого заявления следует, что речь идет даже не о статистических оценках инфляции, а о ее прогнозах в ежегодных законах о госбюжете. Пускай так, хотя не ошибается только тот, кто не прогнозирует. «Но есть еще

1) www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_087527.pdf.

К слову, первые международные стандарты в области ИПЦ были приняты еще в 1925 г. Второй международной конференцией статистиков труда, когда МФВ и в помине не было.

2) Национальные счета России в 2003–2010 годах. – М.: Росстат, 2011. – Табл. 2.5.21.

3) Реальная инфляция – 40 процентов // Байкальские вести. – 2008, 11 сентября.

более пугающие цифры. Если брать формулу Ньюкомба-Фишера, то расчет по ней дает уровень инфляции в 2007 году – 40 процентов» (по данным Росстата – 11,9%). Для непосвященных звучит очень научно и неопровержимо. На деле же эта формула проста как правда: количество денег в обращении, умноженное на скорость обращения, равно стоимостному объему всех сделок в экономике, т.е. сумме объемов продаж всех товаров и услуг, умноженных на их цены. Не будем говорить уж о том, что сама истинность этой формулы под сомнением еще со времен Дж. М. Кейнса. Но чтобы оценить инфляцию, нужно, чтобы *натуральные объемы* продаж всех товаров и услуг в сравниваемые годы были одинаковыми. Каким образом доктор и профессор обеспечил такую сопоставимость, он не поделился. Но даже если и можно оценить инфляцию с помощью формулы Ньюкомба-Фишера (в чем я глубоко сомневаюсь, да и в литературе ни разу не видел таких попыток), то очень грубо, в лучшем случае с точностью до порядка, и ошибка в два-три раза в темпах *прироста* уровня цен тут будет в пределах точности расчета.

Итак, король оказался голым. «Реальная» («социальная», «народная») инфляция – миф. Все данные о ней основаны либо на субъективных ощущениях, либо на использовании потребительской корзины, не соответствующей сколько-нибудь реальной структуре потребления, либо – изредка – на каких-то еще соображениях, не выдерживающих самой незамысловатой критики.

Нет дыма без огня

Часть вины за дилетантскую критику официальных оценок инфляции лежит на самом Росстате: он уделяет совершенно недостаточное внимание просветительской стороне своей деятельности. Сотрудники, да и руководители Росстата, не отказываются от выступлений в средствах массовой информации. Например – пресс-конференция А. Е. Суринова в редакции «АиФ» в декабре 2011 г. (правда, похоже, она все равно впрок не пошла, судя по последовавшей вскоре статье в «АиФ», рассмотренной выше). Но этого мало. Нужно, чтобы любой «простой гражданин» при желании мог в любой момент узнать, как оценивает инфляцию официальная статистика и в чем заблуждаются «наивные» оценки.

Лучшее средство для этого – сайт Росстата. Но он рассчитан на подготовленных пользователей (единственное исключение – упоминавшийся «Калькулятор персональной инфляции»). Обычному человеку трудно докопаться до методических материалов по оценке инфляции, да и вряд ли он будет читать многостраничные и далеко не простые тексты, написанные к тому же суконным языком (а местами невнятно даже для специалистов). Думается, на сайте совершенно необходим раздел «Статистика для непрофессионалов», в котором бы доступно, простым языком объяснялось, что такое инфляция и как ее оценивает Росстат, давались ссылки на все данные, необходимые для проверки расчета ИПЦ, объяснялись расхожие заблуждения относительно оценки инфляции. Пример тут есть взять с кого: материалы, рассчитанные на обычных граждан, как раз в первую очередь по поводу инфляции, имеются на сайтах статистических органов ряда стран (например, на сайте Бюро статистики труда США).

Нужно признать, что в высказываниях о «средней температуре по больнице» рациональное зерно есть. Просто многие авторы таких высказываний не могут его сформулировать (хотя попадают и публикации, где об этом сказано явно): разные слои населения страдают от инфляции в разной мере. В наибольшей – слои с низкими доходами, поскольку, как говорилось выше, товары и услуги первой необходимости обычно дорожают опережающими темпами (хотя 2011 г. явился исключением: при росте общего уровня потребительских цен на 6,1% продовольственные товары подорожали на 3,9%).

И для них оценка инфляции, исходящая из модели среднего потребителя, действительно, *объективно* занижена. А поскольку лица с низкими доходами составляют немалую часть населения нашей страны, представляется необходимой *регулярная и широкая* публикация ИПЦ для бедных и малообеспеченных слоев населения. Россия опять-таки не станет здесь исключением (хотя стран,

где оценивается инфляция для разных категорий населения, немного). Так, в США отдельно рассчитывается ИПЦ для наемных работников, а в Индии даже для нескольких категорий городских и сельских работников.

Сделать это очень просто прямо сейчас. Росстат постоянно рассчитывает ИПЦ для всех десяти децильных доходных групп. Но эти ИПЦ публикуются (и то лишь для самой нижней и самой верхней группы) только в статистических ежегодниках,¹⁾ выходящих, когда поезд уже ушел – спустя многие месяцы после окончания года. Да и пользуются ими только специалисты. Для начала, как паллиатив, можно просто начать ежемесячную публикацию ИПЦ для двух (может, трех) нижних децилей в пресс-релизах и других материалах Росстата, рассчитанных на широкую публику.

Однако, на мой взгляд, это не совсем то, что нужно. Целесообразнее рассчитывать ИПЦ для бедных и для малообеспеченных, а границы этих слоев населения вряд ли совпадают с границами децилей. Здесь придется предварительно решить ряд методических проблем, что займет какое-то время. Нужно будет выработать некоторую более-менее общую позицию статистиков и экономистов-исследователей в определениях. Сейчас даже внутри исследовательского сообщества нет единства в вопросе о том, что считать бедностью и малообеспеченностью. По сути, надо определить границы этих групп в терминах доходов. По моему мнению, широко применяемый сейчас в качестве границы бедности прожиточный минимум для такой цели не годится – это граница не бедности, а нищеты.

Думается, регулярная публикация «ИПЦ для бедных» (в том или ином виде) приведет к заметному уменьшению обвинений в недостоверности официальных оценок инфляции и попыток противопоставить им «реальную» инфляцию.

¹⁾ См., например: Российский статистический ежегодник. 2011. – М.: Росстат, 2011. – С. 688. В 2010 г. для 10% населения с наименьшими доходами цены выросли на 11,8%, тогда как инфляция «для всех» была ниже на 3 процентных пункта: 8,8%. В период 2005–2010 гг. это различие составляло от 0,5 (в 2009 г.) до 3,2 (в 2007 г.) процентного пункта.